

Елена Колтунова

Это случилось однажды летом

Странно, но когда я припоминаю какие-нибудь истории, связанные с Одесской киностудией художественных фильмов, то оказывается, что все эти истории происходили в разгар лета какого-нибудь года. Можно подумать, что зимой студия не работала, фильмы не снимались. Но это ведь не так. Скорее всего, лето раскрепощает людей, толкает их на поступки, которые им зимой и в голову бы не пришли. Ну, например, не стали бы мой отец, киносценарист Григорий Колтунов, и режиссер Виктор Жилин заключать пари, за результатом которого с небескорыстным интересом следила вся киностудия.

Жаркое лето 56-го

В то лето Виктор Жилин ставил на Одесской киностудии свой ставший впоследствии популярным фильм «Моя дочь». Этим же летом отец стал наконец полноправным владельцем своей «Победы». До этого момента, с января 1954 года, «Победой» на паритетных началах владели он и его друг – кинооператор Леонид Кан, скинувшиеся на покупку машины по восемь тысяч рублей. В конце концов им эта история надоела, тем более что Кан постоянно проживал в Москве, а отец в Одессе. Отец отдал Леониду причитавшиеся тому за пол-автомобиля деньги, и тот купил себе трофейный «Опель».

Точно такой же «Опель» был у Жилина.

Когда папа на своей «Победо» приехал на киностудию и похвастал тем, что машина теперь до последней гайки принадлежит только ему, а Леня ездит на подержанном «Опеле», Жилин

заявил, что отец прогадал, потому что самый старый «Опель» лучше любой даже новой «Победы». И, мол, он, Жилин, свой «Опель» никогда ни на какую «Победу» не променяет. Завязался спор, каждая сторона отстаивала достоинства своей машины. Зашла речь и о маневренности.

– Да ваша «Победа» никогда в жизни не развернется там, где развернется мой «Опель»!

Пока спор носил теоретический характер, собравшиеся вокруг спорщиков студийцы, время от времени вставлявшие в диспут свои пять копеек, делали это довольно вяло. Машин практически больше ни у кого в те годы не было, так что реакция на спор была отстраненная. Но когда речь зашла об испытании, народ потребовал заключить пари, призовым фондом которого должен был стать ящик шампанского. И пари было заключено.

В студийном парке выбрали на одной из аллей подходящее место, и испытания начались. Первым стартовал Жилин на своем «Опеле». Он на небольшой скорости мягко провел разворот, доехал до конца аллеи, повернул назад и еще раз на большей уже скорости продемонстрировал достоинства своего автомобиля и свой шоферской талант. Затем стартовал отец. Он с легкостью проделал то же самое, и даже на больших скоростях.

– Все, Виктор, тащи шампанское! – загалдел мучимый жадой народ.

– Да нет, ребята, это не в счет. Здесь и телега развернется. Вот на Приморском бульваре есть местечко! Вот там пусть попробует развернуться.

Народ помчался на бульвар. Желающих видеть состязание набралось столько, что забитыми под завязку оказались не только обе машины спорщиков, но и прихваченный в ажиотаже в качестве транспортного средства тонваген.

Как-то эту историю мы вспоминали с известным тонмейстером Игорем Вигдорчиком, ленинградцем, работавшим в те годы на Одесской киностудии (позже на Ленфильме именно он озвучивал все картины Иосифа Хейфица и фильмы других крупных режиссеров). К сожалению, мы не смогли вспомнить, какое именно место на знаменитом одесском Приморском бульваре послужило испытательным полигоном. Вспомнили лишь, что это происходи-

ло вблизи Думской площади, где бордюры и что-то выгораживавшая цепочка камней создавали необходимые условия для решения спора, и что задача действительно была непростой: слишком мал был радиус разворота.

Поэтому было решено ужесточить условия пари. Ящик шампанского сочли мизерной ставкой. На кон были поставлены машины – отцовская «Победа» против Жилинского «Опеля».

На этот раз первым стартовал отец. О том, чтобы дать скорость, не могло быть и речи. Медленно, аккуратно отец заставил машину развернуться чуть ли не на месте, не задев бордюрно-го камня. Настала очередь Жилина. После успеха отца он явно нервничал. И то ли нервы подвели, то ли не такой уж он был ас, а может, виноват был «Опель», но только чистенько развернуться Жилину не удалось. Правым колесом он выскочил на бордюр.

Компания молча расселась по машинам и отправилась обратно на киностудию.

На киностудии так же молча вышли из машин и замерли в напряженном ожидании. Жилин вышел последним. Бледный, как полотно, он подошел к отцу и протянул ему ключи от «Опеля».

– Ладно, – сказал отец, – это была шутка.

– А я говорю, берите ключи! – закричал Жилин срывающимся голосом. – Пари есть пари.

– Кто победитель, я? Значит, я имею право смягчить условия пари.

– Ну тогда пусть тащит шампанское! – заинтересованно завопили свидетели.

– Пусть Виктор вылезет на крышу своего «Опеля» и трижды крикнет: «Я чудак, я чудак, я чудак!» (вообще-то, предложенное отцом короткое слово было одесским синонимом слову «чудак» и даже ловко рифмовалось с ним).

– Нет, пусть гонит шампанское! – заорал жаждающий народ. – Он и за первое пари еще не рассчитался.

Жилин молча направился в студийный буфет, молча принес и поставил ящик шампанского, так же молча забрался на крышу своего «Опеля», с неподдельным чувством выкрикнул трижды предложенную фразу, сел в машину и укатил. Шампанское распили без него.

Жаркое лето 78-го

В это лето на Одесской киностудии Георгий Юнгвальд-Хилькевич ставил своих «Мушкетеров». Только недавно Михаил Боярский и Вениамин Смехов в какой-то из телепередач вспоминали это славное время – дружбу, сблизившую трех мушкетеров и одного гвардейца, количество выпитого молдавского и шабского вина и... успех, которым они пользовались у особ женского пола. Одесские мальчишки тоже были в восторге от того, что именно здесь, в Одессе, обрели плоть и кровь Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян. Когда шел монтаж фильма, каждый вырезанный и выброшенный в корзину кадрик ценился на вес золота. Он тут же подбирался ребятами, подрабатывавшими на киностудии, и продавался за ее пределами. В звукоцехе работал тогда некто Димка М. Этот шестнадцати-семнадцатилетний парнишка тоже охотился за популярными кадриками, продажа которых сулила прибыль. Однажды поздним вечером ему удалось незамеченным добраться до коробок с уже смонтированным фильмом и вырезать из него два или три десятка кадров. На следующий день предстояло сведение видеоряда с саундтреком. Работа была срочная, фильм надо было везти в Москву. И тут обнаружилось, что лента испорчена, сведение не получалось. Юнгвальд-Хилькевич пришел в ярость и отчаяние. Довольно быстро был вычислен виновник порчи. Как ни пытались успокоить режиссера коллеги, как ни хватали его за руки, ни оттащивали его от великовозрастного обалдуя, Димка был жестоко избит. Родители Димки подали на режиссера в суд. Было заведено уголовное дело. Судья явно сочувствовал режиссеру, поэтому решение о наказании было какое-то формальное. Кадры, конечно, пропали безвозвратно. И те, кто в курсе дела, при внимательном просмотре фильма сразу отмечают покаленные места. То актер где-то заикнется, то Миледи, отравив госпожу Бонасье, как-то уж очень резко выскакивает из окна. А впрочем, любимый фильм нужно смотреть, не обращая внимания на такие мелочи.

Жаркое лето 85-го

Фильм «Искушение Дон Жуана» ставил на Одесской киностудии Василий Левин – режиссер, которому зрители были обязаны такими прекрасными фильмами, как «Повесть о первой любви», «Здравствуйте, доктор!», «Последнее дело комиссара Берлаха», «Капитан Немо» и др. Сценарий фильма был создан моим отцом Григорием Колтуновым по драме Леси Украинки. Отец в то лето очень болел, ставился диагноз «ползучий инфаркт» (так, по крайней мере, его произносила районный кардиолог). Пришлось отцу лежать больше месяца. А у Василия Николаевича что-то не ладилось. Когда почти половина фильма была уже снята, худсовет, забрав отснятый материал, принял решение прекратить производство картины. И тогда отец, забыв про сердце, помчался спасать фильм. Ситуация была сложная. Очень поджимали сроки. Отец ежедневно в семь часов утра уезжал на съемочную площадку, возвращался за полночь. Что-то им было переснято заново. Изменены грим и прическа Донны Анны – она сразу стала моложе и привлекательнее. Был найден актер, перезвучивший Ивара Калныньша в одной из двух его ролей (актер играл и Дон Жуана, и Командора). Отец, в свое время окончивший консерваторию, нашел музыкальное решение фильма. Вся вторая половина картины была фактически поставлена отцом.

Таким образом, Колтунов и Левин стали сорежиссерами. И тут встал вопрос о титрах. Чье имя ставить первым, чье – вторым. Казалось бы, проще всего – по алфавиту: Колтунов, Левин. Но Василий Николаевич не соглашался, он начинал фильм, и в таком расположении фамилий ему виделся намек на то, что его хотели отстранить от съемок. Отец же был против того, чтобы фамилия Левин стояла первой. Когда фамилии пишутся не в алфавитном порядке, напрашивается мысль, что тот, кто поставлен вторым, и есть второй, если не просто примазавшийся. А ведь отец не просто спас картину, он вложил в нее огромный творческий и физический труд.

Тогда Говорухин предложил гениальное решение проблемы. В титрах фамилии обоих режиссеров расположены по диагонали. В верхнем правом углу экрана значится имя отца –

Григорий Колтунов, в нижнем левом углу – Василий Левин. Хитрость в том, что хотя имя отца расположено выше, но имя Левина – левее. А в европейском написании все читается слева направо и сверху вниз. Так что правый верхний угол оказывался равнозначным нижнему левому. Когда было принято такое соломоново решение, страсти поутихли, да и летняя жара к этому времени спала.

Жаркое лето 43-го

Вспомнилась мне еще одна, если можно так выразиться, киностудийная история. Правда, случилась она не на одесской киностудии, а на тбилисской, и не в мирное послевоенное время, а как раз в самый разгар войны, точнее – в ее переломный момент, лето 1943 года. Но, как мне кажется, по курьезности она просто просится в эффектный финал.

В феврале-марте 1943-го отец с бригадой военных кинооператоров по следам Сталинградской битвы снимал хроникально-документальный фильм. Фильм монтировался на Тбилисской киностудии, на которой отец служил во время войны. Летом, работая над монтажом отснятого материала и, как скупец, дрожа над каждым отснятым миллиметром пленки, отец задумал создать фильм-памфлет «Когда Геббельс не врет», используя некоторые кадры кинохроники. Фильм по его замыслу должен был строиться на том, чтобы любое высказывание Геббельса «подтверждалось» этими кадрами. Например, главный пропагандист Гитлера заявляет: «Советские дети встречают немецких солдат радостным хороводом». И на этих словах возникают кадры полуразрушенного знаменитого Сталинградского фонтана, окруженного хороводом... гипсовых детей.

Однажды, когда отец в монтажной просматривал кадры хроники, которые могли бы ему пригодиться для осуществления замысла, его попросили зайти в дирекцию – у руководства студии к нему большая просьба. Отца просили срочно заменить на просмотре трофейного американского фильма внезапно заболевшего синхронного переводчика с английского языка.

Тут надо сказать, что время от времени на киностудии демонстрировали трофейные фильмы. Отец часто брал меня с собой на эти просмотры. Мне запомнились такие американские ленты, как «Юнион Пасифик», «Это случилось однажды ночью», «Тетка Чарлея» и, конечно же, «Дилижанс» Форда. Посмотрела я и два замечательных английских фильма: фантастически роскошный «Багдадский вор» Корды и уморительную комедию «Джордж из Динки-джаза», куплеты из которой, после того как фильм попал в СССР в прокат, в вольном переводе на русский язык распевала вся страна. Помню их по сей день.

Подарил мне дед портянку,
А сам ее три года не стирал –
Вода ведь грязь не смоем,
А мыло денег стоит,
А деньги в наше время капитал.

Однажды к нам забрались воры.
Никто из них опасности не ждал.
С портянкою столкнулись
И сразу задохнулись.
Наутро я их трупы убирал.

Подарил мне дед рубашку,
А сам ее три года не стирал.
А в этой-то рубашке
Да завелись букашки,
И я ногами их топтал.

Однажды к нам забрались воры,
Никто из них опасности не ждал.
Как тронули рубашку,
На них бегом букашки.
Наутро я их трупы убирал.

Надо уточнить, что последние два фильма были не трофейными. Картину «Багдадский вор» в знак симпатии подарил

Советскому Союзу ее автор Александр Корда, а «Джордж из Динки-джаза» был передан по ленд-лизу.

Попадались и немецкие фильмы, но ни в какое сравнение с вышеназванными, большинство из которых было увенчано высшими кинематографическими наградами, они не шли.

Фильмы, как было сказано, демонстрировались под синхронный перевод. Отца попросили переводить дважды оскароносный фильм американского режиссера Уильяма Уайлера «Иезавель» с гениальной Бетт Девис и Генри Фонда в главных ролях.

– Но я не знаю английского. Кому пришло в голову, что я могу переводить фильм?

– Мне пришло, батону, мне пришло. Вовремя пришло, гостей на просмотр ждем, вот-вот приедут. Батону, не отказывайся, мамой прошу, ты же на английском говоришь лучше, чем я на русском. Сам слышал, – взмолился главный редактор студии.

– Что слышал, где ты слышал?!

– Как где? Почему говоришь – где? Здесь слышал, – он обвел рукой приемную директора, в которой проходил разговор.

– Ты по-английски с этим говорил, с другом твоим, Зискиндом, с Яшей.

Отец все понял и расхохотался.

Яков Зискинд – драматург и сценарист, эвакуировался вместе с нами из Одессы. Его так же, как моего отца, коробило то, что даже грузинская интеллигенция, свободно владеющая русским, считала возможным при них говорить по-грузински. Поэтому однажды на студии отец и Зискинд, которым надоело пребывать в роли статистов в обществе бесцеремонно беседующих при них на своем языке коллег, демонстративно заговорили на идиш, которым, кстати, дома не пользовались (это был конспиративный язык моих бабушек и дедушек, надеющихся, что я не пойму, о чем они говорят). Грузины опешили. Урок, к сожалению, им впрок не пошел, но случай запомнили.

– Слушай, дорогой, зачем смеешься? Когда мы тогда спросили, на каком языке беседуете, ты же сам сказал, что на английском. Так и сказал: «На инглиш». Все слышали.

– Какой *инглиш*? Я сказал «на *идиш*». На еврейском, значит. Это ты, дорогой, просто не расслышал.

– Слушай, какая разница: англиш – идиш. Грузины евреев уважают. Ты пойми, у нас сегодня на просмотр большой гость придет. Очень большой гость – командующий Закавказским военным округом генерал Тюленев. И не один, со своим штабом. Не подведи, дорогой.

– Да вы что, смеетесь? Командующий округом... Да я...

– Майца! Подожди, генацвале! Не кричи! Фильм, как я помню, титрованный, надо посмотреть, а вдруг тот язык тебе подойдет, – вмешался киномеханик.

Титры оказались польские.

Кто-то из присутствующих проявил историко-географическую осведомленность, заверив, что польский и украинский язык – близнецы-братья, а «батона Григорий из Одессы, которая на Украине, и он не может не знать украинский язык».

Батона Григорий язык украинский знал, понял, что ему не отвертеться, и, понадеявшись на авось, на свое знание украинского и на действительное сходство с ним польского, дал согласие.

Времени на предварительный просмотр всего фильма уже не оставалось. Студийное начальство в полном составе бросилось встречать высокопоставленных гостей, а отец прошел в просмотрный зал и сел за кафедру переводчика. Он успел посмотреть только два первых эпизода.

Начало было обнадеживающим. После знакомой заставки «Warner Brothers» и титров с именами актеров выплыла надпись: «New Orleans, 1852». Пока все было просто. Уж это он переведет.

Дальше последовала сцена, в которой между главными героями фильма происходил какой-то бурный разговор. То и дело в польских субтитрах мелькало слово «склеп». Значит, речь идет о кладбище. А затем началась сцена бала, на котором среди молодых девушек в белых платьях появилась героиня в черном. Все ясно, она в трауре. И у отца в голове выстраивается сюжет...

Здесь необходимо рассказать о том, что в действительности происходило на экране. Своенравная героиня фильма ссорится со своим женихом, не пожелавшим сопровождать ее в магазин (по-польски – *склеп*) для выбора наряда на предстоящий олимпийский бал. Назло ему она появляется на этом балу в вызывающем

красном платье, хотя строгий этикет того времени предписывает незамужним девицам появляться на балу только в белом.

Но отец о таких строгостях dress code аристократического общества Америки середины XIX века понятия не имел, а лента была черно-белая, так что красный цвет на экране смотрелся как черный, траурный. И в соответствии с этим отец и озвучил для высокопоставленных гостей, когда их завели в зал и рассадили в соответствии с рангами, первые эпизоды фильма. Дальше пришлось отталкиваться от исходной версии, одновременно ориентируясь на происходящее на экране и на польские субтитры. Актеры, особенно главная героиня, играли столь выразительно, что у отца, выросшего на немом кино (более того, он одно время в молодости подрабатывал тапером в кинотеатрах), эпизоды органично нанизывались один на другой. Он увлекся и уже не просто «переводил», а эмоционально «дублировал» произносимый на экране текст. Он даже перестал обращать внимание на польские субтитры. Тем более что они стали сбивать его. Например, что такое «пышна кобъета»? В начале фильма несколько раз встречалось это выражение. Поскольку на экране в это время мелькала лошадь, то отец перевел эти слова, как «упитанная кобыла». Правда, потом он заметил, что на экране не кобыла, а жеребец. Поэтому, когда в следующий раз в субтитрах он увидел эту таинственную «пышну кобъету», но никаких лошадей – ни кобыл, ни жеребцов – на экране не было, а вместо них бегала маленькая белая кудрявая собачка, отец перевел эти сакраментальные слова как «кудрявая болонка». Его логика была безупречна: «кобъета» – это женский род от слова «кобель», только «кудрявую сучку» с учетом контингента гостей отец решил заменить подходящим эвфемизмом.

Словом, преодолев все трудности перевода, отец благополучно добрался до финала фильма. Зал разразился аплодисментами. Аплодировали и военные, и студийцы. К отцу подошел сияющий главный редактор:

– Видишь, дорогой, а ты боялся. Всегда будем звать тебя, а то этот переводчик скучно переводит, только бу-бу-бу, да бу-бу-бу. А ты просто за всех играл. Идем, тебя зовут.

Он подвел отца к генералу Тюленеву. Генерал пожал отцу руку и сердечно поблагодарил за блестящий перевод и доставленное удовольствие. И тут к отцу обратилась молодая красивая женщина, стоявшая рядом с генералом, возможно, его жена. Она тоже пожалала отцу руку, но как-то так, что одновременно, чуть задержав ее, отвела его в сторону.

Улыбаясь, она произнесла:

– Я тоже хочу от всей души вас поблагодарить. Такого удовольствия я никогда в жизни не получала, и уверена, что больше не получу. Я одновременно смотрела два фильма. Совершенно разных по сюжету, но одинаково интересных и увлекательных. Это было волшебно, гениально! Но я родилась в Польше. Польский – мой родной язык, так что могу на будущее вам подсказать. «Пышна кобыета» – это не «упитанная кобыла» и не «кудрявая болонка», а «роскошная женщина».

Не виноватая...

Не виновата я! Правда, не виновата! Не собиралась я скрывать пресс-конференцию. Я же не хулиганка, не нахалка, не наглая журналистка из какой-то желтой газетенки. Я из самой что ни на есть уважаемой газеты. *Но честное слово, он сам меня попросил...*

Вот как это было.

В Киеве проходил очередной Международный кинофестиваль дебютных фильмов «Молодость». В день три-четыре просмотра и не меньше трех пресс-конференций с кинодеятелями различного масштаба. Тяжело? Да, но дело привычное. За три десятка лет я вообще потеряла счет пресс-конференциям, на которых приходилось работать. Самое трудное – успеть захватить место в первом ряду и микрофон, пока он не пошел гулять по залу. Особенно в тех случаях, когда на встречу с журналистами соглашается кто-то из киношных китов. Вот пресс-конференцию с таким китом я и сорвала.

На встречу с режиссером Александром Сокуровым набежало столько народу, что не всем хватило сидячих мест, некоторым пришлось подпирать стены. Еще бы, создатель таких авторских

фильмов, как «Одинокий голос человека», «Дни затмения», «Молох», «Александра», «Солнце»...

Проявив прыткость, я сумела прорваться в зал с авангардом, усесться в первом ряду, и не успел еще герой дня занять почетное место, я, как примерная школьница, уже тянула руку. Микрофон у ведущей я получила первой.

Мой вопрос касался фильма «Солнце», хотя, честно говоря, имел к нему косвенное отношение.

Картина эта посвящена событиям в Японии 1945 года, когда император Японии Сева, нарушив многовековые традиции страны, 2 сентября был вынужден подписать акт капитуляции и в связи со столь позорной для японского менталитета акцией отрекся от своего божественного статуса потомка богини Солнца.

А мой вопрос был о том, не приходилось ли случайно уважаемому Александру Николаевичу слышать одну пикантную историю, происшедшую в Ленинградском зоологическом институте Академии наук. Я была уверена, что не слышал, и это мне давало шанс засветиться на фестивале, рассказав в трех словах суть происшедшего казуса. Однако, услышав, в чем было дело, Сокуров к неудовольствию присутствующих журналистов попросил рассказать историю не в трех словах, а подробнее. Под недовольный ропот коллег я приступила к рассказу.

Работала в вышеупомянутом институте в отделе фауны морей и океанов старшим научным сотрудником одна очень Ученая Дама с мировой известностью. Писала она умные статьи в отечественные и зарубежные журналы, а также вела интенсивную переписку с коллегами, в том числе и с зарубежными. Среди ее зарубежных корреспондентов был коллега из Японии, некто профессор Хирохито, который тоже много публиковался в научных журналах, и не только японских, и они обменивались статьями и новостями из жизни морских обитателей.

И вот однажды эта Ученая Дама получила от японского профессора подарок – авторскую роскошно изданную монографию с потрясающими иллюстрациями и фотоснимками.

Зависть охватила Даму. Разве можно сравнить эту яркую, сверкающую, как жар-птица, монографию, отпечатанную на мелованной бумаге, с теми невзрачными книжками, которые удалось вы-

пустить ей, пусть даже их научная ценность была не ниже, чем у японца?

Тут она поймала себя на том, что невольно про себя произнесла «у япошки».

Но кто же в Японии выпускает такие богатые издания? Ученая Дама глянула на выходные данные книги и обомлела: монография оказалась изданной Институтом его императорского величества... Хирохито.

Но ведь... Дама быстро заглянула в аннотацию: сомнений быть не могло. Из аннотации недвусмысленно следовало, что ее постоянный корреспондент профессор Хирохито и император Японии Хирохито – одно и то же лицо!

То есть она, простой советский ученый, состоит в многолетней переписке с императором Японии?!

Это был шок!

Значит, она много лет поддерживала связь с иностранным... Дама никак не могла подобрать слово, напрашивались такие до боли знакомые понятия, как *агент*, *шпион*, но что-то здесь они не очень-то клеились. Наконец ее осенило: *с зарубежным политическим деятелем из капиталистического государства*. Почему-то с момента обнаружения этой щекоотливой истины Дама могла мыслить только газетными штампами и формулировками из персональных дел.

Но она же не виновата, не виновата! Она же не знала! Некстати в голову полезла зловещая фраза: *«Незнание закона не освобождает от наказания»*. Но теперь-то она знает... Значит, надо прекращать переписку, пока не поздно? Или уже поздно? И ох ты, господи, как быть с монографией?! Вернуть, *мол, мы не нуждаемся, у нас самих все есть?* Тьфу, книга – это же не джинсы, не дубленка. Значит, отсылать глупо, но тогда нужно написать письмо с благодарностью за подарок.

Снова письмо туда?! А у нее на носу защита докторской...

А если написать коротко: «Выражаю благодарность», – а кому? Профессору или императору? И как обращаться?

Уважаемый коллега? Ничего себе коллега – император! Уважаемый профессор Хирохито? Это уже лучше, но получается, что она как бы игнорирует его императорский статус, что теперь, когда

понятно, что ей он стал известен, может выглядеть нарочито. Может быть расценено нежелательным образом.

«Нет, это дело политическое, я не дипломат, я не имею права на самостоятельность», – сказала себе Дама и отправилась в Первый отдел.

Первый отдел возглавлял отставник, прозванный ею после двух собеседований перед заграничной командировкой Вампиром. Впрочем, прозвище это предназначалось ею для сугубо внутреннего употребления.

По дороге Дама лихорадочно обдумывала, как лучше преподать Вампиру эту невероятную историю, но когда бункерная дверь пропустила ее в обитель Вампира и тут же с лязгом захлопнулась у нее за спиной, Ученая Дама почувствовала себя в капкане и растеряла все свои заготовки. Тем более что она действительно оказалась почти что в капкане, зажатая в тесном пространстве между дверью и пресекающим дальнейшее вторжение в святая святых режимного объекта откидным барьером, отполированным нервно снующими по нему руками посетителей.

Она просто молча, не дожидаясь вопроса, положила на барьер злополучную монографию.

– Что это? – недоуменно спросил Вампир, он же полковник в отставке.

– П-подарок от императора Японии.

Ей очень хотелось сказать, что это подарок институту, а еще лучше бы всем советским людям, но вовремя вспомнила, что на книге есть дарственная надпись.

Поэтому, опустив голову, Дама тихо добавила:

– Мне, лично...

Как писали когда-то некоторые авторы, опустим занавес над этой сценой. Тем более что в дальнейшем, когда Ученая Дама пыталась вспомнить подробности этого разговора, очень похожего на допрос, она не могла этого сделать. Она помнила только глаза полковника, которые, пока она бормотала свои объяснения, все больше и больше наливались сталью. Дама, хотя и Ученая, никак не смогла бы с физической точки зрения объяснить, как это «глаза наливаются сталью», но она так чувствовала. Это чувство было сродни тому, которое испытывает художник, когда говорит: «Я так вижу».

– Так что мне теперь делать? – растерянно пролепетала Дама. – Я даже не знаю, как теперь к нему обращаться, чтобы хотя бы написать благодарность за книгу.

– А вы не спешите. Я сначала доложу куда следуют. Это вопрос политический.

Полковник строевым шагом вышел в следующую комнату, которая через открытую дверь смотрелась как кабинет с несколькими телефонами на письменном столе. Он снял трубку одного из телефонов, набрал номер и через несколько секунд вытянулся по стойке смирно. Видимо, на том конце был кто-то повыше чином. Он стоял спиной к открытой двери и говорил негромко. Слов Дама не слышала, только видела, что полковник несколько раз согласно наклонил голову. Дама подумала, что полковник звонит на Каляева в Большой дом. Для тех, кто не в курсе: в Ленинграде на углу Литейного проспекта и улицы Каляева располагалось в действительно очень большом здании КГБ. Но дом называли Большим не только из-за его геометрических размеров. Ходила шутка, что из его окон виден Магадан, или, как вариант, видна Колыма.

Вдруг полковник повернулся лицом к Даме, прикрыл рукой трубку и громким шепотом произнес:

– Звонят в Москву.

И снова замер, вытянувшись по стойке смирно.

Время шло. Полковник молча стоял, сохраняя стойку. Дама у барьера переминалась с ноги на ногу и старалась подавить напавшую на нее нервную зевоту. И опять некстати лезли в голову навязчивые газетные штампы-заголовки типа: «Как в одном институте зевнули, не распознав врага под личиной ученого».

Прошло, возможно, минут сорок, а может, и весь час. Полковник, как часовой у Мавзолея, не менял позы. Дама уже подумывала, не сесть ли ей на пол. Но тут полковник, к ее удивлению, еще больше вытянулся и совсем уже одеревенел. Ученая Дама, к тому времени почти висящая на барьере, тоже выпрямилась, она догадалась, что пришел ответ из Москвы. Минут пять полковник молча слушал, затем громко и отчетливо, так, что его услышала даже Дама за барьером, отчеканил:

– Есть ждать указаний из Москвы, ничего не предпринимать. Книгу отправить на проверку в Москву.

Он осторожно положил трубку, развернулся по-военному через левое плечо, прошагал к барьеру, за которым замерла Дама, и торжественно произнес:

– Москва уже в курсе вашего вопроса. Его решают компетентные органы. Приказано ждать указаний, ничего не предпринимать. Книга изымается. Благодарность в Японию напишете, когда будет решение о ее целесообразности и о форме вашего обращения к... – тут полковник слегка замялся, – к вашему корреспонденту. Настоятельно рекомендуется об этом инциденте не распространяться.

Император Хирохито умер в 1989 году, так и не дождавшись благодарности от Ученой Дамы за свой подарок.

Я закончила и, оторвав взгляд от лица Сокурова, на котором читался интерес и было видно, что у него есть еще вопросы ко мне, взглянула на ведущую. Пока я рассказывала, я старалась на нее не смотреть, не видеть адресованные мне грозные знаки. Сейчас она открывала и закрывала рот, как какой-то представитель океанической фауны, столь любимой героями моего рассказа. Неизвестно, чем бы она разразилась, если бы не Сокуров:

– Спасибо, мне было очень интересно, знал бы эту историю раньше, использовал бы как-то в эпизодах, где Хирохито предстает как ученый.

Ведущая намертво закрыла рот, но глаза ее метали молнии.

Тут распахнулась дверь, вошел, постукивая указательным пальцем по часам на своем запястье, генеральный директор фестиваля:

– Александр Николаевич, пора. На дорогах пробки, как бы нам в аэропорт не опоздать. Да и вас, наверное, наши журналисты уже замучили вопросами, они ж такие...

Не буду утверждать, возможно, мне показалось, что Сокуров подмигнул мне, одновременно сокрушенно разведя руками, и пошел к выходу из аудитории, окруженный плотной толпой журналистов, пытающихся хотя бы на ходу задать свои выстраданные вопросы.

А я поспешила побыстрее ретироваться, опасаясь, что меня побьют раздосадованные собратья по перу. Ведь я сорвала им пресс-конференцию с самим Александром Сокуровым. *Но я не виновата, не виноватая я! Он сам меня просил...*